

АНГЕЛ НОВОРОСС

Окончание.
Начало — на стр. 1

РУССКИХ песен
тайная природа.
Их песнопевцам колдуньи напели.
В них зимний вой
печного дымохода
И крик совы, и свисты свиристеля.

В них ароматы спелой земляники,
Круженье звёзд
над ветхою избою,
Лесного зверя свадебные клики,
Стон воина, что вынесен из боя.

Они звучат из озера лесного,
Куда укрылся град, лучист и волен.
По берегам,
среди лесов сосновых
Услышит путник
звоны колоколен.

Они звучат из вешнего оврага,
Блестят дождём
из тучки серебристой.
Они — псалом
бессмертного "Варяга"
И бесподобный
"Марш артиллеристов".

Омой лицо, певец, перекрестись.
Пусть благодать
твоё наполнит сердце.
Ты с русской песней
можешь вознестись
В те выси, где царит бессмертье.

И ангел к теплу мёртвому приник.
"Я вас любил", —
ему пропел на ухо
И отошёл, и мёртвый штурмовик
Открыл глаза,
ещё лишенный слуха.

ЯШТУРМОВИК.
Мой позывной "Охотник".
Я штурмовал опорник у посёлка.
За мной гонялся
вражий беспилотник.

Я сшиб его
охотничьей двустовкой.

Здесь правила,
как в той игре ребячьей.
Когда летит из неба паучок,
Ты не беги,
не падай и не прячься,
А сразу жми
на спусковой крючок.

Я проклинаю танки и орудья.
От них в полку
осталась только треть.
Но не хочу, вы мне поверьте, люди,
От этой мерзкой птички умереть.

К опорнику не всякий доберётся.
Тот путь к нему
лежит смертельный, тяжкий.
Один в пути на mine подорвётся.
Другой ногой зацепит за растяжку.

Взрывчатки груз
в клеёнчатом пакете.
Иду один, устал. Какая грусть!
Как много жёлтых
ягод в бересклете.
Я знаю, что обратно не вернусь.

"Охотник", соверши
свой подвиг ратный", —
Меня в дорогу ротный снаряжал.
"Дойду, "Крутой",
не поверну обратно".
Что тут сказать?
Я только зубы сжал.

Дубов и клёнов тесная посадка.
Густых осин зелёные шары.
В осинах пахла
приторно и сладко
Тела хохлов,
распущих от жары.

Краснел от ягод
куст лесной малины.
Кругом редел осиновый лесок.
И у солдат, подорванных на mine,
Запёкса на губах багряный сок.

Как чуден был
каток в вечернем парке.
Мы, радостные,
танцевали вальсы.
У фонаря, под деревянной аркой
Я целовал её худые пальцы.

Меня в лесу искали миномёты.
Клубы огня
вздымались до вершин.
Я был солдат
мотострелковой роты.
Я шёл вперёд,
чтоб подвиг совершить.

Как напоследок злую сигаретку
Я закурил, вам будет невдомёк.
Клён положил
на лоб сырую ветку,
И я тихонько выдохнул дымок.

В окне луна. Мы неразлучны были
Всю ночь, пока не заалел восток.
Мне подарила бусы голубые
Я подарил ей розовый цветок.

Опорник был накрыт
зелёной сеткой.
Под сеткой виден чёрный пулемёт.
Я обмахнул лицо кленовой веткой,
С мешком взрывчатки
ринулся вперёд.

Мой взрыв их промолот
кровавым фаршем.
Он тех хохлов в капусту изрубил.
Войска ушли вперёд
победным маршем.
Я был солдат. Я Родину любил.

Ксолдату подошёл
пернатый ангел.
Расцвёл на плащанице алый шёлк.
"Твоё лицо, солдат,
белей бумаги. Но жди".
И он к другому отошёл.

Он подносил к гробам
прекрасные картины.
Они сияли в золочённых рамах.
Наряды, как роскошные витрины,
И чудотворны, как иконы храмов.

Был алый конь и золотой наездник.
В лазурных водах дивное купанье.
Он был небес
богоподобный вестник.
Он весть принёс,
что кончатся страданья.

Как смерч, летел
десант морской пехоты.
Он вышел из пучин родного моря.
Он сокрушал оскаленные доты.
Он Севастополь заслонил от горя.

Душистый персик
в девичьих перстах.
Отведай, и вкусишь
плодов небесных.
Как дивны её свежие уста.
Как нежен цвет
её ланит прелестных.

Картины над гробами воссияли.
В них животворные
стихии трепетали.
И там, где раны чёрные зияли,
Плодов небесных
гроздья вырастали.

ЕЩЁ НЕДАВНО
я сидел за партой.
Отец и Мать, —
вот мой семейный круг.
Теперь я жгу
из пушки "Леопарды" —
Немецких бронированных зверюг.

Я командир. Механик и наводчик.
Прицел! Удар!
Отличный глазомер!
Успеть из-под огня
уйти без проволочек.
Остался догорать
подбитый бэтээр.

Мой танк катил вперёд,
свиреп и страшен,
Тела врагов неистово месил.
Ревела пушка, сотрясая башню.
И пулемёт безжалостно косил.

Мы пробивали коридор пехоте
И жгли чужие танки на пути.
Мы предавались огненной охоте,
И сердце билось
радостно в груди.

И я летел среди хлебов и пашен,
Как гневный бог
пылающих равнин,
Когда ударил в основанье башни
Из-под развалин
вражий "Джавелин".

Убит механик и сгорел наводчик.
Остался я, ослепший командир.
Броню расплавил
раскалённый росчерк,
И дым сочился из железных дыр.

Протёр глаза —
ладонь в слезах кровавых.
Болит плечо. Не чувствую ноги.
Куда ни глянь, налево и направо,
Крадутся к танку злобные враги.

Я не могу ни прыгнуть,
ни согнуться.
Кричат: "Сдавайся!"
Выходи, москаль!"
Я вижу, как сверкают их трезубцы.
Разбитой башни
мертвенный оскал.

Как смерть страшна
под пыткой в каземате.
Как жгут тебя железом палачи.
Не покидай меня,
о, Божья матерь!
В последний час наставь и научи.

Прости меня за все мои грехи.
Что, не молясь, взирал
на лик твои мельком,
И в детстве, убегая в лопухи,
Таскал я из буфета карамельки.

Прости меня за мой позор и срам.
Любил невесту и хотел венчаться.
Но в день венчанья
не явился в храм.

Взял автомат,
и на Донбасс, сражаться.

Так я сидел
в моём подбитом танке.
Сгоревший дом
дымился в стороне.
И я сидел, и прошлого останки
Истлели на оплавленной броне.

Я бросил в них последнюю гранату.
Их командира разодрал до жил.
Я был сержант.
Был парень неженатый.
Я за Россию голову сложил.

КРЫЛАТЫЙ АНГЕЛ
подошёл к танкисту.
"Сынок, ты кашу горькую испил!"
И замахал над ним
крестильной кистью,
Живой водой танкиста окропил.

Они в гробах навтыжку лежали.
Им веший ангел целовал глаза.
Вдруг у солдата губы задрожали,
Из глаз упала жаркая слеза.

Лежащим во гробах
читал он книги.
Им смертный холод лица цепенил.
Крылатый ангел
выше всех религий
Глаголы русских классиков ценил.

Читал, как люди котлован копали.
Читал роман
про баснословный дар.
Как пехотинцы без вести пропали.
И как прекрасен солнечный удар.

Как мастер обожал свою ведмицу.
И блудный сын поднялся на отца.
Там мёдом пахнет
каждая страница.
Полынный дух и запах чабреца.

Кавказский офицер
запнал в погоне лошадь.
Другой учил, что оборимо зло.
Там бомбомётчик
выходил на площадь.
Но в этот день монарху повезло.

И дивных слов волшебные потоки
Липили в гробы, творили чудеса.
И розовели мертвенные щёки.
И из гробов звучали голоса.

ЯСОРОК ДНЕЙ
сражался в окруженье.
Один в снегах,
в разбитом блиндаже.
Я вёл один неравное сраженье,
Держал врага на огненной меже.

Свирепых птиц неистовые стаи
Ко мне слетались, наведя прицел.
Окоп мой пулемёты исхлестали.
Бомбили с неба. Я остался цел.

На пятый день
закончились патроны.
Глухая ночь, и не видать ни зги.
Подполз к хохлу.
Его боялся тронуть.
Замёрзли на снегу его мозги.

Из мёртвых рук
я вырывал оружие.
"Отдай, хохол!"
Отдай, ядрёна мать!"
Когда наутро солнца полукружье
Взошло в снегах,
я был готов стрелять.

На день десятый кончилась еда.
Я помышлял о жареной картошке.
Я снег плотал. И талая вода
Была мой хлеб.
Его съедал до крошки.

Я грезил о шипящей сковородке.
Я слышал свежий запах огульца.
Густой компот
течёт по подбородку.
Ржаной ломоть
лежит в руке отца.

Хлопочет мать. Как каша хороша!
Мне полотенце стелют на колени.
Как вкусен борщ и горяча лапша!
Мне подают горячие пельмени.

Я снова полз к убитому врагу.
Казалось, что в снегах
кричит младенец.
В его мешке сухую курагу
Я отыскал. "Спасибо, западэнец!.."

На день двадцатый
звякнул телефон.
В нём оставалась
капелька заряда.
Был голос матери,
как отдалённый стон.
Его накрыло грохотом снаряда.

Любимой мамы чудное лицо.
Её платок, сиреневое платье.
Я получил родное письмецо.
Оно полно любви и благодати.

Я телефон заглохший целовал.
Пусть он умолк,
но в нём дремали звуки.
Как я люблю лица её овал,
Её плечи и ласковые руки!

Атаки шли бессчётной чередой.
Им не терпелось
захватить окопчик.
Меня задела пуля раз, другой.
Смешно сказать —
одна попала в копчик.

"Зачем мне это, Господи, скажи!"
Веду сраженье
целых тридцать суток.
Ко мне являться стали миражи.
Я бредил наяву, терял рассудок.

Ко мне паук огромный подползал.
Меня искал в заснеженном окопе.
Я сотни пуль в мохнатого вонзал.
От паука осталась только копоть.

Ко мне бежал
разгневанный старик.
Слезились веки и плевались губы.
Я узнавал его ужасный лик.
Старик был я,
безглазый и беззубый.

Я бил гранатомётом по врагам.
Покров растаял, и чернела пашня.
По талым окровавленным снегам
Ко мне шагала Эйфелева башня.

Я разрядил в неё гранатомёт.
И появился конк двуглавый, серый.
Он был из преисподней и в намет
Умчался, оставляя запах серы.

И вот однажды, не упомню день,
"Товарищи, друзья,
ну, где вы, где вы?"
В пустых полях легла ночная тень.
Ко мне пришла
Божественная дева.

"Солдат, ты верно Родине служил".
Её уста цвели алее мака.
"Теперь свои заботы отложи.
Наутро ждёт последняя атака.

И ты падёшь и в небо улетишь,
И побываешь там,
где прежде не был.
Где красота и благодать, и тишь.
И будешь наречён ты сыном неба.

Сказала и растаяла в ночи.
В седых снегах
дохнуло ветром вешним.
Казалось, лебедь белая кричит.
И мать рыдает горько, неутешно.

Когда лучами озарилась степь,
Когда снега покрыла позолота,
Тогда в раздольях
зачернела цепь,
И я припал к ручному пулемёту.

СПУСКАЛИСЬ в храм
по лестнице святые.
Не перечсть
в той лестнице ступеней.
Златые нимбы, бороды витые,
Их голосов божественное пенье.

Игумен Сергей,
Пересвет, Ослябя.
Тех двух игумен проводил на бой,
Чтоб воля русских
в битве не ослабла,
И чтоб пришли с победою домой.

Явился преподобный Серафим.
За ним медведь
послушно косолапил.
Звучал псалом,
синел кадильный дым,
И на подвсечник
воск горячий капал.

Несметен сонм заступников Руси.
Их головы
в божественных коронах.
Святой водой Россию оросил
Блаженный отрок
Женя Родионов.

Они вплывали невесомо в храм
И перед гробом делали заминку.
И несть числа идущих ко гробам.
И каждый в гроб
ронял свою слезинку.

ТАМ БЫЛ хохол.
В него стрелял я метко.
Ему по виду
двадцать лет неполных.
Над ним цвела сиреневая ветка,
И в головах его стоял подсолнух.
Его "калаш"
лежал в траве измятой.
Желтел приклад,
и ствол светился тускло.
Его рука тянулась к автомату,
Но палец не успел
достать до спуска.

Мой взвод ушёл,
неся с собой "двухсотых".
Короткий бой утих по всей округе.
И я сидел. И надо мной в высотах
Два ястреба вычерчивали дуги.

И из полей, где мгlistые дороги,
Подбитый танк
не перестал дымиться,
Пришли две женщины,
одетые убого,
Две матери, моя и украинца.

Была на маме синяя косынка,
А на другой цветная вышиванка.
Вскричала: "Сынку!
Мой коханный сынку!"
А на груди его сочилась ранка.

Моя рыдала:
"Милый мой сыночек,
Видать, Господь
не внял моим молитвам.
Тебе дарила аленький цветочек,
Но оказался цветок ядовитым".

Стенали голоса, и слёзы лились.
Над сыновьями матери рыдали.
Обнявшись,
поднялись и удалились.
Во мгле дорог их потлотили дали.

Я встал и наклонился над убитым.
Ему глаза закрыл, таков обычай.
А в небе дрон
выделявал кульбиты,
Искал меня, предчувствуя добычу.

Над храмом растворились небеса.
Излился звёзд алмазный водопад.
Бриллиантов несканная роса,
Небесных роз волшебный аромат.

И в храм ночной по лунному лучу
Спустилась дева,
краше не сыскать.
Игумен Сергей ей возжёт свечу.
"Хвала тебе, хвала,
о, Божья Мать!"

Обходит храм Небесная Царица.
Святые восклицают: "Аллилуйя!"
Лежат бойцы.
Их неподвижны лица.
Она уста холодные целует.

"Солдат, ты защитил родной порог.
Теперь мой сын меня благословил
Перенести тебя в святой чертог.
Там встретишь ты того, кого убил.

Он заключит тебя в свои объятия.
Вы оба несказанной встрече рады.
Вы не враги,
вы снова стали братья.
Я поднесу вам грозди винограда.

Вкуси сей дивный плод
и восхитись,
И испытай неслыханное счастье.
Тебе дарю я винограда кисть.
Господь с тобой.
Испей вино причастья".

Она коснулась мёртвого перстом.
И у бойца специального отряда
В тельняшке,
под простреленным крестом
Раздался вздох.
Была Царица рада.

Был Ангел Новоросс неутомим.
Послушен был
божественным заветам.
Сиял в ночи его чудесный нимб,
Умерших озарял
фаворским светом.

Вокруг гробов кружил он хороводы.
Водил у храма крестные ходы.
Звенела высь, и трепетали воды,
И расцветали райские сады.

И в каждый гроб
из тех садов нетленных
Упала с неба Божия слеза.
И у солдат недвижные, убиенных
Открылись восхищённые глаза.

Вставали из гробов подобно буре.
Был каждый полон
светоносных сил.
Уста, как мак, глаза светлей лазури.
Их Новоросс из смерти воскресил.

УНОВОРОССИИ
божественный чертёж.
Её Господь нарисовал на свитке.
Здесь каждый град
невиданно хорош.
Поля хлебов, как золотые слитки.
Здесь вырастают травы до небес,
И у коней алмазные подковы.
Морской волны
завороженный плеск,
Таинственных дубрав
волшебный говор.

Здесь шитые шелками полотенца,
Преданья, сбережённые в веках.
И жены перламутровых младенцев
В купели окунают на руках.

Здесь не бывать
наветам и порокам.
Здесь в душу не волюют
тлетворных ядов.
Здесь для гостей домашние пороги
Украшены венком цветов и ягод.

Взращённый средь
колосьев и мечей,
Там люд
необоримый, богатырский.

И ясный свет
их солнечных очей —
Прямое отраженье божьей искры.

Там, в Херсонесе,
где земля светлей,
Ты, русский,
получил своё крещение.
Теперь же в Новороссии своей
Божественное
примешь воплощенье.

Благословенный край,
очей отрада,
Во избавленье гибельных угроз
Посланцем
из божественного града
К тебе приставлен
Ангел Новоросс.

И всё, что Бог
восторженно создал
И что погибло
в войнах и разрухе —
Чудесный храм, поэма и звезда —
Всё воскрешали ангельские руки.

В полях вставали
травы и соцветья,
Их сокрушала острая коса.
В песках пустынь,
где суховеитный ветер,
Вставали озарённые леса.

Из пепла воспаряли города
Чертогами божественного вида.
И расступалась пенная вода,
И открывалась солнцу Атлантида.

Воскресли песнопевцы и пророки
В своих венках из терния и лавра.
В боях проснулись
дремлющие боги,
В полях скакали кони и кентавры.

Очнулись звуки мёртвых языков.
Они цветут на ангельских устах.
Их молвь звучала из глубин веков
Задолго до рождения Христа.

ШАГАЛИ
воскрешённые танкисты,
Штурмовики, пилоты и морпехи.
И ордена на их мундирах чистых
Сияли, как побед
бессмертных вехи.

Народ великий,
дивный, вековечный,
Ты выстоишь
в смертельной круговерти.
В твоей душе,
в твоём мешке заплечном
Хранится тайна
русского бессмертья.

Буряты, чукчи и чеченцы,
Ямальских стойбищ поселенцы,
Все были братья, новороссы,
Ковчег дивного матросы.

Над ними растворялись небеса,
И Богородица им дула в паруса.
Гуди, гуди, послушное ветрило!
Сияй, сияй, победное светило!

Шагали воскрешённые солдаты
Из всех земель.
Все были новороссы.
У них в руках светились автоматы
И пламенели огненные розы.

Александр ПРОХАНОВ
Рисунок автора